

Оригинальная статья

УДК 316.4

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-5-70-87>

Цифровая трансформация как инструмент снижения миграционного оттока с Дальнего Востока России (на материалах исследования Приморского края)

**Дмитрий Владимирович Колодин¹✉, Ольга Сергеевна Ивченко²,
Владислав Сергеевич Витюнин³**

^{1, 2, 3}Приморский научно-исследовательский центр социологии и гражданских инициатив,
Владивосток, Россия

¹Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия

³Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

¹✉info@dkolodin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4618-4242>

²empiray@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2304-6007>

³vityunin777@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-0314-777X>

Введение. Статья исследует цифровую трансформацию как инструмент снижения миграционного оттока с Дальнего Востока России через призму опыта Приморского края. Цель работы – выявить потенциал цифровизации для удержания человеческого капитала в регионе через дистанционную занятость и адаптацию к автоматизации труда. Научная новизна работы заключается в обосновании компетентностного разрыва между технологическими вызовами и низкой адаптивностью населения, подтвержденного эмпирически. Проведен анализ опыта респондентов в части повышения квалификации в сфере цифровой грамотности и искусственного интеллекта. В подтверждение актуальности работы приводятся и аргументируются доводы системной депопуляции региона, дисбаланса возрастной структуры населения и нереализованные возможности цифровой экономики.

Методология и источники. Исследование основано на модели прогнозирования автоматизации спектра профессий, приведенной в исследовании Фрея–Осборна. В качестве источника эмпирических данных использован проведенный авторами в рамках деятельности Приморского НИЦ социологии и гражданских инициатив поквартирный опрос во всех муниципальных образованиях Приморского края в 2024 г. Выборка включает 3484 респондента, отобранных по квотному принципу с учетом социально-демографических и географических критериев. Анализ фокусируется на их трудовой активности, цифровой грамотности и миграционных установках.

Результаты и обсуждение. Результаты выявляют кризис адаптации населения к цифровой трансформации. Большинство респондентов осведомлены об искусственном интеллекте, при этом соответствующее обучение прошла минимальная доля опрошенных. На фоне оценок модели Фрея–Осборна об автоматизации ряда профессий данные опроса показывают, что значительная часть респондентов отрицает воз-

© Колодин Д. В., Ивченко О. С., Витюнин В. С., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

возможность автоматизации их профессий. Парадоксально, но при планировании изменений профессиональной деятельности респонденты ориентируются на профессии с высоким риском автоматизации (услуги, торговля, строительство), что продуцирует риски безработицы, утраты возможности получения заработной платы, необходимой для выживания. Обсуждение подчеркивает несоответствие между технологическими возможностями и готовностью к их внедрению.

Закключение. Авторы делают вывод о необходимости преодоления адаптационного кризиса через развитие инфраструктуры, адаптацию образовательных программ и формирование привлекательного имиджа региона. Цифровизация рассматривается как ключевой «якорь», способный удержать миграционный отток с Дальнего Востока России за счет развития удаленной занятости и преодоления географической изоляции.

Ключевые слова: Дальний Восток России, Приморский край, цифровая трансформация, искусственный интеллект, автоматизация труда, миграционные установки, человеческий капитал, удаленная занятость, цифровые кочевники

Для цитирования: Колодин Д. В., Ивченко О. С., Витюнин В. С. Цифровая трансформация как инструмент снижения миграционного оттока с Дальнего Востока России (на материалах исследования Приморского края) // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 5. С. 70–87. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-5-70-87

Original paper

Digital Transformation as a Tool for Reducing Migration Outflow from the Russian Far East (Based on Research Materials from Primorsky Krai)

Dmitry V. Kolodin¹✉, Olga S. Ivchenko², Vladislav S. Vityunin³

^{1, 2, 3}*Primorsky Research Center for Sociology and Civil Initiatives, Vladivostok, Russia*

¹*Vladivostok State University, Vladivostok, Russia*

³*Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia*

¹✉*info@dkolodin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4618-4242>*

²*empiray@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2304-6007>*

³*vityunin777@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-0314-777X>*

Introduction. The article examines digital transformation as a tool for reducing migration outflow from the Russian Far East, based on the experience of Primorsky Krai. The goal is to identify the potential of digitalization for retaining human capital in the region through remote employment and adaptation to labor automation. The scientific novelty lies in empirically demonstrating the competency gap between technological challenges and the population's low adaptability. The study analyzes respondents' experiences in upskilling in digital literacy and artificial intelligence. The relevance is argued through systemic depopulation, demographic age imbalance, and unrealized opportunities of the digital economy.

Methodology and sources. The research uses the Frey-Osborne model for predicting occupational automation. Empirical data were derived from a 2024 Q2 door-to-door survey across all municipalities of Primorsky Krai (n = 3484), conducted by the authors via the Primorsky Research Center for Sociology and Civil Initiatives. Quota sampling ensured sociodemographic and geographic representativeness. Analysis focused on labor activity, digital literacy, and migration attitudes.

Results and discussion. Findings reveal an adaptation crisis to digital transformation. While most respondents are aware of AI, few received relevant training. Despite Frey-Osborne's high-

risk automation forecasts, a significant share of respondents denies that their occupations are susceptible to automation. Paradoxically, those planning career shifts target high-risk sectors (services, trade, construction), exacerbating unemployment risks. The discussion highlights the mismatch between technological readiness and implementation capacity.

Conclusion. Overcoming the adaptation crisis requires infrastructure development, educational program modernization, and regional branding. Digitalization is considered as a key "anchor" capable of migration outflow from the Russian Far East due to the development of remote employment and overcoming geographical isolation.

Keywords: Russian Far East, Primorsky Krai, digital transformation, artificial intelligence, labor automation, migration attitudes, human capital, remote employment, digital nomads

For citation: Kolodin, D.V., Ivchenko, O.S. and Vityunin, V.S. (2025), "Digital Transformation as a Tool for Reducing Migration Outflow from the Russian Far East (Based on Research Materials from Primorsky Krai)", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 5, pp. 70–87. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-5-70-87 (Russia).

Введение. Дальневосточный федеральный округ (ДФО), занимающий 40,6 % территории РФ, характеризуется значительной депопуляцией: на 1 января 2023 г. численность населения составила 7,9 млн чел. (5,4 % общероссийского показателя) [1]. В этом ключе ДФО выступает в качестве платформы, концентрирующей совокупность уникальных демографических и социально-экономических характеристик, которые формируют его отличительные особенности [2]. Миграция, как внешняя, так и внутренняя, играет критическую роль в восполнении трудовых ресурсов и стабилизации численности населения. Она влияет не только на численность населения региона, но и на его качество (возрастно-половой состав, уровень образования и т. д.).

В рамках государственных программ социально-экономического развития Дальнего Востока, начиная со второй половины XIX в. и до настоящего времени, реализовывался подход, направленный на привлечение трудовых мигрантов из других регионов страны. Геополитическое положение Дальнего Востока и обусловленные этим цели и задачи обеспечения национальной безопасности имели существенное влияние на специфику миграционных процессов и потоков. Приток населения на Дальний Восток сопровождался значительным миграционным оттоком (ряд дальневосточных исследователей обозначили этот феномен как «проточную культуру» [3]). Однако в 1950–1980-е гг. эффективность управления миграционными потоками на уровне государственной политики повысилась, что было обусловлено комплексом мер социально-экономического и культурного характера, к концу 1980-х гг. был достигнут наиболее высокий показатель численности населения этого региона.

Распад СССР, социально-экономический кризис и смена стратегии развития привели к существенному изменению миграционных процессов на Дальнем Востоке. Наиболее острой проблемой стал масштабный отток населения из региона, превышающий показатели естественного воспроизводства. В результате сегодня ДФО обладает нереализованным экономическим потенциалом из-за дефицита квалифицированной рабочей силы [4].

Миграция населения трудоспособного возраста в регионе обусловлена комплексом социально-экономических факторов, включающих межрегиональную дифференциацию уровня доходов, неравенство в доступности социально-бытовых услуг, а также стремление к повышению качества жизни. Доминирующую долю миграционных потоков составляют лица репродуктивного и экономически активного возраста (20–49 лет), что создает риски

сокращения демографического потенциала и дефицита трудовых ресурсов в регионе выбытия. Эта тенденция актуализирует проблему депопуляции и экономической стагнации, вызванную дисбалансом возрастной структуры населения.

Дальневосточный федеральный округ и, в частности, Приморский край исторически зависят от миграционных потоков для решения дефицита трудовых ресурсов и поддержания демографического баланса, обусловленного как объективными географическими факторами, так и социально-экономическими изменениями. Несмотря на предпринимаемые государством меры, направленные на повышение качества жизни [5], проблема «проточной культуры» и оттока экономически активного населения остается актуальным барьером, сдерживающим реализацию экономического потенциала региона. В этой связи региональная политика сфокусирована на разработке стимулирующих мер, направленных на ретенцию существующих и привлечение новых трудовых ресурсов. Ключевыми инструментами выступают программы социально-экономического развития, улучшения инфраструктуры, повышения доступности жилья и профессионального образования [6]. Однако, несмотря на принимаемые меры, исходящий поток внутренней миграции остается почти в два раза выше входящего [7]. Результаты социологического исследования уровня удовлетворенности качеством жизни и миграционных настроений молодежи Приморского края, проведенного Приморским НИЦ социологии в 2024 г., указывают на признаки социального дискомфорта у жителей (табл. 1). Более половины опрошенных отмечают, что хотели бы сменить свой населенный пункт проживания. Основными направлениями для миграции в Приморском крае выступают крупные города – Владивосток, Уссурийск, а в целом по России – Центральный и Северо-Западный федеральные округа. К основным проблемам, стимулирующим миграционные настроения, респонденты относят отсутствие возможностей карьерного роста и перспектив, а также возможность получать более высокую заработную плату в крупных городах Приморского края и других регионов России. В целом, это подтверждается исследованиями, выполненными ранее [8].

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос о факторах, детерминирующих миграционные намерения, %

Table 1. Distribution of respondents' answers regarding factors determining migration intentions, %

Варианты ответов	Городские округа	Муниципальные округа/районы	Интегральный показатель
Не вижу возможности самореализации, карьерного роста	36,8	53,6	41,5
Нет возможности получать желаемую заработную плату	28,8	44,4	33,1
Личные и семейные потребности	21,0	22,5	21,4
Неудовлетворительная инфраструктура (дороги, транспорт, связь)	22,0	12,6	19,4
Низкое качество образования	12,2	17,2	13,6
Низкий уровень благоустройства городской среды (парковые зоны, придомовые территории)	15,5	7,3	13,2
Неудовлетворительные условия для проживания	13,5	11,9	13,0
Неблагоприятный климат	12,4	6,0	10,6
Низкий уровень развития сферы культуры	8,8	15,2	10,6
Неудовлетворительная экология	8,0	3,3	6,7
Недостаточные условия для занятия спортом	4,1	6,0	4,7
Другое	8,8	6,6	8,2

В этой ситуации очевидным становится контраст: на фоне массового оттока населения и дефицита рабочих рук в ДФО потенциал цифровой трансформации как средства автоматизации и повышения производительности труда остается нереализованным. Вклад сектора информационно-коммуникационных технологий оценивается ведущими экономическими агентствами на уровне 3,5 % ВВП и демонстрирует незначительный, но положительный рост в 0,5 п.п. к уровню предшествующего периода [9]. Передовые производства движутся в сторону замкнутого безлюдного цикла. Замещение человеческого труда прогрессирует, но, несмотря на острый дефицит рабочей силы в ДФО, применение промышленных роботов на Дальнем Востоке России находится на самом низком уровне среди всех округов (рис. 1).

Рис. 1. График изменения количества используемых промышленных роботов [10]
Fig. 1. Trend in the number of industrial robots in use

Однако в современных условиях глобальной цифровой трансформации формируется новый контекст для осмысления миграционных установок и стратегий развития Дальнего Востока. На первый план выходит влияние стремительного развития технологий искусственного интеллекта, автоматизации и новых форм дистанционной занятости, которые трансформируют представления о месте проживания для профессиональной самореализации и качественной жизни, отодвигая традиционные социально-экономические факторы. Адаптивность жителей Приморского края к изменениям в условиях цифровой трансформации определяет готовность региона к новым вызовам. Остается вопрос: существуют ли риски для регионов, которые не готовы включиться в цифровизацию, пока открыто окно возможностей?

Глобальные тренды цифровизации в сфере труда показывают технологическое замещение человеческого труда искусственным интеллектом или роботизированными системами. В исследовании взаимосвязи компьютеризации и автоматизации труда К. Б. Фрей и М. А. Осборн представили математический прогноз вероятности замещения различных специализаций и профессий [11]. Исследователи сформировали перечень профессий с высоким, средним и низким риском автоматизации. Согласно их оценкам, 47 % наиболее распространенных профессий в США относится к категории высокого риска автоматизации, что означает фундаментальную трансформацию их содержания – вытеснение человеческого труда алгоритмизированными системами в горизонте одного-двух десятилетий.

Стоит отметить, что автоматизацию от прочих форм технических инноваций, повышающих эффективность труда, отличает то, что это не дополняющая технология, а замещающая [12]. При наличии дополняющих технологий профессиональная деятельность продолжит существовать, но человеческий труд в такой парадигме будет более производителен. Подлинная автоматизация производит качественный скачок в скорости, целесообразности и производительности. Таким образом, никогда не появится новых телефонистов, фонарщиков, заготовщиков льда.

В исследовании Фрей и Осборн представили модель зависимости распределения занятости в США от вероятности компьютеризации. В модели профессии распределены на три зоны, разделяющие три порога этого процесса:

- низкий риск (Low): вероятность компьютеризации $<0,3$ (33 % занятости);
- средний риск (Medium): вероятность компьютеризации $0,3–0,7$ (19 % занятости);
- высокий риск (High): вероятность компьютеризации $>0,7$ (47 % занятости).

Прогресс и компьютеризация в модели Осборна–Фрея рассмотрены через призму шкалы времени. Профессии с высоким прогрессом компьютеризации с большой вероятностью будут замещены ИИ и роботами в ближайшее время. Масштабы компьютеризации обусловлены скоростью преодоления технологических барьеров. Ученые выделяют две волны компьютеризации (первую и вторую), разделенные «технологическим плато». В рамках первой волны большинство работников в сфере транспорта и логистики, значительная часть офисного и административного персонала, а также занятые в производстве будут замещены системами ИИ и беспилотными системами управления [13].

Кроме того, алгоритмы для работы с большими данными активно внедряются в сферы, связанные с хранением и обработкой информации, приводя к компьютеризации офисных и административных задач. Автоматизация производственных профессий продолжает тенденцию последних десятилетий, где промышленные роботы берут на себя рутинную работу. По мере совершенствования робототехники – улучшения сенсорных возможностей и манипуляционной точности – роботизированные системы смогут выполнять более широкий спектр нерутинных задач. Таким образом, технологический прогресс определяет сокращение большей части занятых в производственном секторе в два ближайших десятилетия.

На передний план автоматизации выходит профессиональная деятельность в сферах услуг, торговли и строительства. Авторы считают, что это связано с преобладанием человеческого труда в задачах, требующих мобильности и ловкости [14]. Прогнозы указывают, что со временем преимущества человеческого труда в этих сферах будут снижаться, а темпы замещения рабочей силы ускоряться [12].

Тезис о том, что профессии, требующие высокого эмоционального интеллекта (например, продажи), в ближайшем будущем не подвергнутся автоматизации, в модели Осборна–Фрея подвергается сомнению. К категории с высокой вероятностью замещения относят кассиров, работников стоек обслуживания, арендных агентов и телемаркетологов. Несмотря на интерактивный характер, эти профессии не требуют глубокого применения эмоционального интеллекта. Высокая востребованность маркетплейсов [15], которые минимизируют личный контакт, демонстрирует тренд к автоматизации ряда профессий, связанных с активными продажами. Тезис о замещении человеческого труда в строительном сегменте подтверждается

профильными исследованиями [16]. Развитие модульного строительства позволяет перенести большую часть работ в контролируемые заводские условия, снижая вариативность задач. Эта тенденция, вероятно, станет драйвером автоматизации в строительной отрасли.

В изложенном отражены технологические предпосылки к автоматизации ряда направлений профессиональной деятельности. Однако в академической литературе отсутствует единый взгляд на социально-гуманистическую сферу происходящих изменений. Большинство споров о будущем автоматизации рабочих мест сводятся к вопросу о природе технологий: являются ли нынешние технологии по своему характеру замещающими человеческий труд или направлены на его интенсификацию? Различия в этих типах технологических изменений выявить сложнее, чем кажется на первый взгляд. Сложились два основных подхода к феномену цифровизации и, как следствие, автоматизации и замены человеческого труда машинным. Авторы условно разделяют сторонников этих подходов на скептиков и сторонников цифровизации.

Скептики в своих трудах преимущественно рисуют картины, в которых прогресс и развитие технологии демонстрируют рост, достойный антиутопических художественных произведений, при этом готовность общества к таким изменениям остается малоизученной. В книге «Вторая эра машин» [17] футурологи пишут о примате экономики в социуме и рисках, которые влечет за собой автоматизация. По их прогнозам, переход к передовым технологиям и последующая автоматизация снизит спрос на человеческий труд, что подразумевает снижение заработной платы и усугубление социально-экономического неравенства. Другой футуролог, М. Форд, в работе «Роботы наступают: развитие технологий и будущее без работы» размышляет о том, что в результате роботизации произойдет снижение трудоемкости во всех сферах экономики, что приведет не к марксовскому коммунизму, а к автоматизированному феодализму, в котором необходимость в рабочем классе отсутствует, а экономической элите не приходится считаться с экономическими запросами низшего класса [18].

Сторонники цифровизации [19] видят ее через призму левой политической идеологии. Автоматизация выглядит как решение проблем нехватки рабочих рук, путь к преобразованию рынка труда из рутинного в рефлексивный. В 2019 г. в книге «Fully Automated Luxury Communism: A Manifesto» [20] автор размышляет на тему победы проблем трудовой перегруженности людей через полную автоматизацию труда, редактирование генома и других идей, далеких от существующей реальности.

Можно ожидать, что истина, как принято говорить, находится посередине. Вероятно, многие трудящиеся останутся без работы в результате преобразований обоих типов. Исследование, результаты которого были опубликованы в 2017 г., позволяют сделать вывод, о том, что более половины видов работ, которые выполняли трудящиеся в 1960-х, были автоматизированы либо вытеснены [21]. При этом автоматизация в числе прочих факторов, оказавших влияние на замещение, имеет наибольший вес. Автоматизация – главная причина замещения людей на машины в историческом процессе, но ранее люди успевали диверсифицировать свою деятельность и влиться в экономику с новой формой занятости. Сегодня манипуляционная кибернетика, технологии генеративного искусственного интеллекта и машинное обучение совокупно делают темп замещения рабочих мест выше, чем темпы создания новых рабочих мест в такой степени, что все больше людей оказываются безработными [22].

В представленном исследовании во главе угла находится попытка осмысления возможностей технологического солюционизма как инструмента регулирования изложенных нами проблем в Дальневосточном федеральном округе на примере Приморского края. Для обеспечения устойчивого роста производительности труда ключевое значение приобретает сформированный человеческий капитал. Необходимы специалисты, обладающие не только профессиональной квалификацией и предметными компетенциями, но и когнитивными навыками инновационного порядка, такими как технологическая адаптация, предпринимательская инициатива, способность реализации научно-технических разработок в производственных циклах с последующей оптимизацией их экономической эффективности.

Современные исследования говорят о трансформации миграционных процессов под влиянием цифровизации [12]. Изучаются формы коммуникации, характеризующиеся дистанционным характером профессиональной деятельности без физического перемещения индивидов, с созданием новых механизмов аккумуляции интеллектуальных ресурсов. Феномен трансформации способствует преодолению географических и институциональных барьеров в распределении человеческого капитала, обеспечивая синергетический эффект от глобального обмена экспертными и технологическими практиками.

Цифровую трансформацию в текущей итерации некоторые исследователи называют нейросетевой революцией [23]. Она отличается глубокой спецификой и уникальностью по сравнению с научно-техническими революциями прошлого, такими как паровой двигатель или электроэнергетика. Такие трансформации, как изобретение двигателя внутреннего сгорания или электрификация, создают центростремительные силы. Люди под воздействием этих технико-экономических сил перемещаются в социально и экономически развитые центры, стремясь занять наиболее высокие экономические и социальные позиции. Цифровая трансформация обеспечивает экономическую интеграцию без необходимости физического присутствия в финансово-промышленных центрах. Начинают набирать популярность такие тренды, как дауншифтинг [24], цифровые кочевники [25], подразумевающие дистанцирование от крупных центров в поисках экологичных и экономически привлекательных зон, комфортных для проживания. С одной стороны, цифровая трансформация предоставляет возможность повышения качества жизни и разрешения острых социальных проблем в разных сферах. С другой стороны, она сопровождается появлением новых вызовов, поскольку преобразует природу и структуру организаций и рынков, вызывает озабоченность относительно рабочих мест и обучения навыкам, конфиденциальности, безопасности, социального и экономического взаимодействия, формирования и состава сообществ, а также понятий справедливости и инклюзии [26].

В этом ключе необходимо упомянуть важную для понимания текущих процессов академическую работу «Платформенный капитализм» Ника Срничека [27]. В книге автор размышляет о роли цифровых платформ как ключевых моделей в современной парадигме капитализма, в числе прочих звучит мысль об изменении природы труда. Цифровые платформы способствуют распространению precarious, нестабильного, социально уязвимого труда. Автор прогнозирует в ближайшем будущем переход к экономике, управляемой алгоритмами цифровых платформ и ориентированной на фриланс. В платформенном капитализме труд будет более фрагментирован и зависим от платформы.

Начавшаяся цифровизация общества с последующей интенсификацией в условиях COVID-19 создала благоприятный ландшафт для развития инструментов и расширения их возможностей с целью обеспечения новых форм занятости и деятельности. Можно говорить об основных трендах, меняющих формы и условия занятости. Эти тренды представляют собой цифровые платформы различного функционала: платформы краудворкинга, позволяющие поиск дистанционной работы; образовательные платформы, предлагающие доступ к компетентностным хабам; цифровые платформы искусственного интеллекта, создающие предпосылки для оптимизации целого спектра задач и позволяющие автоматизировать деятельность сотрудников [28].

Методология и источники. Исследование проведено методом стандартизированного (формализованного) интервью с использованием технических средств фиксации по технологии CAPT во II квартале 2024 г. на территории всех муниципальных образований Приморского края. Для исследования была использована квотная выборка.

Основополагающими для определения выборочной совокупности являлись:

- социально-демографический критерий – пол и возраст респондента (табл. 2);
- географический критерий – место постоянного проживания в границах каждого муниципалитета. В целях обеспечения большей репрезентативности данных в большинстве муниципалитетов было отобрано сразу несколько населенных пунктов для проведения опроса (табл. 3).

Таблица 2. Демографическая структура выборки
Table 2. Demographic composition of the sample

Возрастная группа	Пол респондента, %		Общий итог, %
	Мужской	Женский	
Городские округа (г. о.)	45,5	54,5	100,0
18–24	53,3	46,7	100,0
25–34	49,4	50,6	100,0
35–44	49,0	51,0	100,0
45–54	47,9	52,1	100,0
55–64	44,4	55,6	100,0
65 и старше	33,4	66,6	100,0
Муниципальные округа (м. о.)	47,2	52,8	100,0
18–24	58,4	41,6	100,0
25–34	51,9	48,1	100,0
35–44	50,7	49,3	100,0
45–54	49,1	50,9	100,0
55–64	45,9	54,1	100,0
65 и старше	36,8	63,2	100,0
Общий итог	46,4	53,6	100,0

Общий объем выборки по краю составил 3484 респондента. В каждом муниципалитете было опрошено не менее 0,2 % от общей численности населения муниципального образования.

Таблица 3. Географическая структура выборки
Table 3. Geographic composition of the sample

Муниципальные образования Приморского края	Опрошенные, %	Муниципальные образования Приморского края	Опрошенные, %
Городские округа	48,3	Лесозаводский м. о.	2,5
Арсеньевский г. о.	2,8	Михайловский м. р-н	2,2
Артемовский г. о.	4,6	м. о. город Партизанск	2,6
Владивостокский г. о.	19,2	Надеждинский м. р-н	2,6
г. о. Большой Камень	2,7	Октябрьский м. о.	2,1
г. о. ЗАТО Фокино	2,2	Ольгинский м. о.	1,6
г. о. Спасск-Дальний	2,4	Партизанский м. о.	2,3
Дальнереченский г. о.	2,2	Пограничный м. о.	2,0
Находкинский г. о.	5,2	Пожарский м. о.	2,2
Уссурийский г. о.	7,0	Спасский м. р-н	2,0
Муниципальные округа	51,7	Тернейский м. о.	1,7
Анучинский м. о.	1,8	Ханкайский м. о.	2,0
Дальнегорский м. о.	2,6	Хасанский м. о.	2,1
Дальнереченский м. р-н	1,7	Хорольский м. о.	2,1
Кавалеровский м. о.	2,1	Черниговский м. о.	2,2
Кировский м. р-н	2,0	Чугуевский м. о.	2,0
Красноармейский м. о.	1,8	Шкотовский м. о.	2,1
Лазовский м. о.	1,8	Яковлевский м. о.	1,8
Общий итог		100,0	

Для определения социального положения респондентов использовался вопрос о текущей трудовой занятости (рис. 2): 54,1 % респондентов отнесли себя к экономически активному населению.

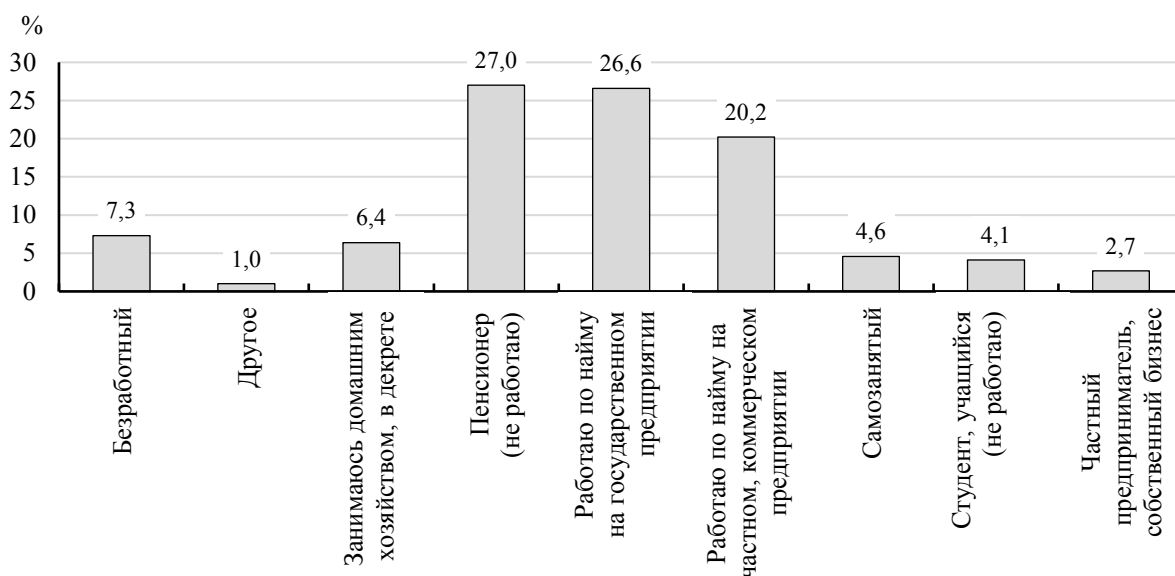

Рис. 2. Социально-профессиональный статус респондентов
Fig. 2. Respondents' socioeconomic and occupational status

Блок вопросов об искусственном интеллекте и цифровой грамотности был адресован отфильтрованной подгруппе (n = 1887), сформированной по критерию трудовой активности. Визуализация сфер трудовой активности опрошенных представлена на рис. 3.

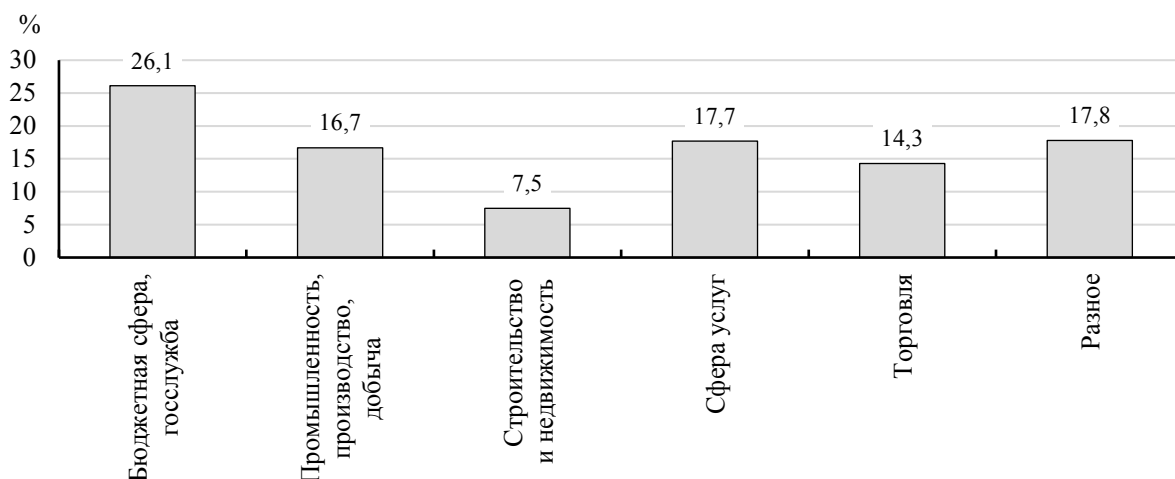

Рис. 3. Сферы трудовой деятельности респондентов
Fig. 3. Employment sectors of respondents

Результаты и обсуждение. Первый вопрос, касающийся цифровой трансформации, звучал следующим образом: «Вы слышали об искусственном интеллекте?» Ответы на него представлены в табл. 4.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Вы слышали об искусственном интеллекте?», %
Table 4. Distribution of answers to the question “Have you heard of artificial intelligence?”, %

Варианты ответов	г. о.	м. о./м. р-н	Интегральный показатель по краю
Слышал, интересуюсь этой темой	13,5	7,5	10,5
Что-то слышал	70,0	67,9	68,9
Слышу впервые	16,5	24,6	20,6
В целом слышали	83,5	75,4	79,4
Общий итог	100,0	100,0	100,0

В целом, феноменом искусственного интеллекта интересуются 79,4 %. При этом, поскольку в городских округах бóльшая плотность образовательных организаций, информированность об ИИ здесь выше, чем в муниципальных округах. Разница стремится к 10 п.п.

Картина меняется, когда речь заходит о повышении квалификации в этой сфере. Был задан вопрос о факте прохождения повышения квалификации или профессиональной подготовки (см. табл. 5). Немногим более 2,9 % респондентов прошли обучение в сфере использования в работе искусственного интеллекта и цифровой грамотности. Пассивная осведомленность («что-то слышал» на уровне 68,9 % (см. табл. 4)) обуславливает отсутствие стремления повышать квалификацию в сфере цифровой грамотности и ИИ. При этом, согласно исследованию РАЭК, базовая цифровая грамотность в Приморье оценивается в 6,22 балла из 10, что относит Приморский край в красную зону в ДФО [29]. Наши данные позволяют сделать вывод о наличии существенного разрыва между знанием о феномене ИИ и о реальной подготовке к его повсеместной интеграции. С учетом описанных в работе предпосылок автоматизации ряда профессиональных сфер можно констатировать, что абсолютное большинство жителей Приморского края не готовы к цифровым преобразованиям экономики и общества.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Вы проходили повышение квалификации в сфере искусственного интеллекта или цифровой грамотности?», %
Table 5. Distribution of answers to the question “Have you completed advanced training in the field of artificial intelligence or digital literacy?”, %

Варианты ответов	г. о.	м. о./м. р-н	Общий итог
Не слышали об ИИ ¹	86,5	92,5	89,5
В сфере искусственного интеллекта	0,6	0,4	0,5
В сфере цифровой грамотности	2,1	1,5	1,8
Изучал обе сферы	0,5	0,6	0,6
Повышение квалификации не проходил	10,2	5,0	7,6
Общий итог	100,0	100,0	100,0
Суммарно повышали квалификацию	3,2	2,5	2,9

Немногим менее половины опрошенных уверены, что ИИ никогда не сможет их заменить (табл. 6). На этом фоне 28,8 % опрошенных допускают такую возможность в будущем. В целом, 38,9 % в интегральном выражении по Приморскому краю допускают замену своего труда искусственным интеллектом или средствами роботизации.

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, сможет ли Вашу работу выполнять искусственный интеллект?», %
Table 6. Distribution of answers to the question “Do you think artificial intelligence can do your job?”, %

Варианты ответов	г. о.	м. о./м. р-н	Интегральный показатель по краю
Не слышали об ИИ	16,5	24,6	20,6
Да, скоро сможет	11,2	9,1	10,1
Когда-нибудь сможет	29,2	28,4	28,8
Не сможет никогда	43,1	37,9	40,5
Общий итог	100,0	100,0	100,0

Ответы респондентов на вопрос об альтернативных профессиональных траекториях (табл. 7) отражают следующую ситуацию. В случае, если трудовая деятельность будет автоматизирована, респонденты наиболее часто указывают сферу услуг, торговлю, строительство. Примечательно, что именно эти сферы, согласно модели Осборна–Фрея, значатся в авангарде замещения. В условиях статистически незначительного количества жителей, заявивших о прохождении повышения квалификации в обозначенной сфере, можно сделать вывод о потенциальной профессиональной и экономической уязвимости значительной части работающего населения и неадекватности личностных оценок рисков и прогнозов. Почти половина опрошенных считают автоматизацию их трудовой деятельности невозможной, хотя представленные сферы являются «рисковыми» с точки зрения проведенных исследований. В то же время желание перейти в сферу услуг, торговлю, строительство (те секторы, которые в теории Осборна–Фрея находятся в зоне высокого риска автоматизации) указывает на отсутствие понимания респондентами долгосрочных трендов автоматизации и необходимость прохождения программ переобучения. Парадокс адаптации заключается в нелогичном выборе: столкнувшись с автоматизацией своей профессии, респонденты переходят к заведомо уязвимым перед автоматизацией видам деятельности.

¹ В общей численности опрошенных.

Таблица 7. Альтернативные профессиональные траектории в условиях автоматизации труда, %
Table 7. Alternative professional trajectories under labor automation, %

Сфера труда реальная	Сфера труда в условиях автоматизации						
	Бюджетная сфера, госслужба	Сфера услуг	Промышленность, производство, добыча	Торговля	Строительство	Разное	Общий итог
Бюджетная сфера, госслужба	18,2	5,6	4,5	1,8	4,0	6,2	8,1
Искусство и культура	5,6	5,6	3,7	5,9	1,0	9,1	5,7
Логистика	3,3	3,3	4,1	10,0	3,0	5,1	4,8
Маркетинг, реклама и PR	3,6	7,1	2,4	5,0	5,0	5,8	4,6
Промышленность, производство, добыча	11,5	8,2	26,8	5,9	19,0	10,9	13
Строительство	4,6	6,7	19,5	6,4	26,0	6,2	9,4
Сфера услуг	14,4	30,5	9,8	16,9	16,0	11,3	16,4
Торговля	8,7	10,8	8,5	29,2	9,0	9,5	12,2
Финансы	7,4	4,1	2,8	7,3	4,0	5,5	5,5
Разное	22,6	18,2	17,9	11,4	13,0	30,3	20,2
Общий итог	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Заключение. Дальневосточный регион сохраняет хроническую зависимость от притока трудовых ресурсов по причине устойчивой депопуляции и дисбаланса возрастной структуры. Несмотря на государственные программы стимулирования, тренд на отток экономически активного населения (20–49 лет) сохраняется, что снижает экономический потенциал как региона, так и Дальневосточного федерального округа в целом. В исследовании была рассмотрена дихотомия цифровизации в ключе миграции трудовых ресурсов. Удаленные формы занятости и тенденция на дистанцирование от социально-экономических и промышленных центров (цифровое кочевничество, дауншифтинг) создают альтернативу физической миграции, позволяя сохранять человеческий капитал в регионе без перемещения в социально-экономические центры. Прогноз автоматизации трудовой деятельности (по рассмотренной модели Фрея–Осборна) предупреждает, что риску подвергнутся более трети профессий. В первую очередь это касается сферы услуг, торговли и строительства. При этом возникает парадокс адаптации: в случае, если профессия респондентов будет автоматизирована, они часто выбирают сферу деятельности, также сопряженную с высоким риском автоматизации.

В Приморье можно констатировать кризис адаптации жителей к трансформационным процессам. Низкая адаптивность населения к цифровым трансформациям подтверждается эмпирическими данными: лишь 2,9 % респондентов заявляют, что прошли обучение в сфере ИИ или цифровой грамотности. Выявлен разрыв между технологическими перспективами и готовностью населения к ним приспособиться. Большинство опрошенных интересуются или осведомлены об искусственном интеллекте, но только треть из них допускают замену своей работы алгоритмами. Немногим менее половины опрошенных уверены в невозможности автоматизации их профессий, что противоречит глобальным прогнозам. С точки зрения авторов, развитие элементов инфраструктуры – высокоскоростной Интернет, национальные цифровые платформы для дистанционного труда, коворкинги и цифровые (или технологические) хабы в малых городах ДФО – выступает критическим фактором трансформа-

ции миграционных установок. Необходима просветительская и образовательная деятельность, включающая массовую переподготовку кадров с акцентом на развитие мягких и жестких когнитивных навыков, ИИ-компетенций и цифрового предпринимательства. Требуется развернутая программа переподготовки кадров в плоскости цифрового обучения, создание региональных центров компетенций и специализированных кластеров, что будет способствовать адаптации населения к изменениям рынка труда.

Для решения проблемы оттока населения из удаленных городов авторы видят три траектории: экономическая, политическая и инфраструктурная. В экономическом измерении требуется развитие новых форм занятости, создание налоговых и инфраструктурных условий для привлечения цифровых кочевников и ИТ-резидентов. В политическом измерении предлагается работа над созданием образа Дальнего Востока России как комфортного и экологичного места для удаленной жизни и работы. Разработка и реализация эффективной коммуникационной стратегии, направленной на формирование позитивного имиджа региона среди жителей других регионов России и зарубежных стран, позволит привлечь квалифицированных специалистов и цифровых кочевников из других регионов, а также снизить отток населения с Дальнего Востока России. Также необходимо развитие социальной инфраструктуры, региональной системы здравоохранения, образования, культуры и досуга, что повысит привлекательность этих регионов при принятии решения о миграции.

Цифровая трансформация создает окно возможностей для Дальнего Востока: географическая изоляция должна стать конкурентным преимуществом при условии формирования экосистемы факторов притяжения (повышение качества жизни, возможность дистанционной работы в экономических центрах, высокоскоростная связь в удаленных районах). Цифровизация может стать «якорем», удерживающим человеческий капитал в регионе в условиях преодоления кризиса адаптации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ЕМИСС Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 24.06.2025).
2. Виценец Т. Н., Бережнова Е. И. Особенности развития миграционных процессов на Дальнем Востоке // Изв. УрГЭУ. 2014. № 2 (52). С. 69–75.
3. Бляхер Л. Е. Региональная самоидентификация и трансграничные практики на Дальнем Востоке России // Пространственная экономика. 2005. № 1. С. 117–132.
4. Форум «Кадры»: Стратегии преодоления кадрового дефицита в российской экономике // РСПП. 19.02.2025. URL: <https://rspp.ru/events/news/forum-kadry-strategii-preodoleniya-kadrovogo-defitsita-v-rossiyskoy-ekonomike-67b5bb16dd8f1> (дата обращения: 24.06.2025).
5. Иванченко О. Г., Иванченко Е. С. Развитие мер поддержки дальневосточной экономики с учетом внешних вызовов // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 3 (92). С. 44–54. DOI: <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2020-92-3-44-54>.
6. Гук С. В., Неяскина Е. В., Ночевкина Т. А. Проблема миграции населения Приморского края и основные направления ее решения // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2022. № 1. С. 12–16.
7. Общие итоги миграции населения по субъектам Российской Федерации за 2023 г. // Росстат. URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_migr_2023.xlsx (дата обращения: 29.06.2025).

8. Социальная и экономическая характеристика процессов внутренней миграции в Приморском крае: влияние миграции на экономику, рынок труда и популяционные процессы (2019–2020) / Ю. В. Разумова, Т. В. Варкулевич, А. Г. Ким и др. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2020.
9. Индикаторы цифровой экономики: статистический сборник / В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский и др. М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025.
10. Промышленные роботы в 2023–2024 году в России // НАУРР. URL: <https://robotunion.ru/prom23-24> (дата обращения: 10.07.2025).
11. Frey C. B., Osborne M. A. The Future of Employment: How Susceptible are Jobs to Computerisation? // *Technological Forecasting and Social Change*. 2017. № 114. С. 254–280. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2016.08.019>.
12. Бенанав А. Автоматизация и будущее труда // *Экономическая социология*. 2022. Т. 23, № 3. С. 92–108. DOI: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-3-92-108>.
13. Борисов Д. С. Перспективы беспилотного транспорта в логистике // *Актуальные проблемы авиации и космонавтики*. 2022. Т. 3. С. 243–245.
14. Дубинин М. В. Банковские технологии: сущность, история развития и перспективы // *Финансы и кредит*. 2007. № 34 (274). С. 57–63.
15. Анализ востребованности и распространенности маркетплейсов в Хабаровском крае / О. В. Ватолина, Д. В. Колодин, В. А. Баляева, А. В. Ничепорук // *Вестн. ТОГУ*. 2024. № 2 (73). С. 169–180. DOI: <https://doi.org/10.38161/1996-3440-2024-2-169-180>.
16. Хубаев А. О., Саакян С. С., Макаев Н. В. Мировая практика в области модульного строительства // *Construction and Geotechnics*. 2020. Т. 11, № 2. С. 99–108. DOI: <https://doi.org/10.15593/2224-9826/2020.2.09>.
17. Brynjolfsson E., McAfee A. *The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies*. NY: W. W. Norton, 2014.
18. Форд М. Роботы наступают: развитие технологий и будущее без работы / пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2016.
19. Srnicek N., Williams A. *Inventing the Future: Postcapitalism and a World without Work*. London: Verso, 2015.
20. Bastani A. *Fully Automated Luxury Communism: A Manifesto*. London : Verso, 2019.
21. Kaplan J. Don't Fear the Robots // *The Wall Street Journal*. 21 July 2017. URL: <https://www.wsj.com/articles/dont-fear-the-robots-1500646623> (дата обращения: 29.06.2025).
22. Шевчук А. В. От фабрики к платформе: автономия и контроль в цифровой экономике // *Социология власти*. 2020. Т. 32, № 1. С. 30–54. DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2020-1-30-54>.
23. Шомова С. А., Качкаева А. Г. Между очарованием и испугом: диалог с «другим». Опыт анализа практик использования ИИ в профессиональной и повседневной жизни // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2024. № 5. С. 3–17. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.5.2766>.
24. Ковалева С. В., Щеглова М. В. Феномен дауншифтинга: способы изучения в социальной философии // *Общество: философия, история, культура*. 2023. № 11. С. 34–39. DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2023.11.4>.
25. Кужелева-Саган И. П., Сучкова Н. А. Онтология сетевого общества и культура цифровых кочевников: методологические подходы // *Вестн. ТГУ*. 2019. № 440. С. 58–63. DOI: [10.17223/15617793/440/8](https://doi.org/10.17223/15617793/440/8).
26. Ватолина О. В., Колодин Д. В. К вопросу о цифровой трансформации экономики // *Вестн. ТОГУ*. 2024. № 1 (72). С. 97–106.
27. Srnicek N. *Platform Capitalism*. Cambridge: Polity Press, 2017.
28. Белова Л. Г. Виртуальная трудовая миграция высококвалифицированных специалистов и онлайн-рынок труда // *Экономические системы*. 2022. Т. 15, № 4 (59). С. 122–131. DOI: <https://doi.org/10.29030/2309-2076-2022-15-4-122-131>.
29. Цифровая грамотность населения России в 2024 г. // РАЭК. URL: <https://raec.ru/activity/analytics/14712/> (дата обращения: 25.06.2025).

Информация об авторах.

Колодин Дмитрий Владимирович – кандидат социологических наук (2014), начальник отдела исследований и методических разработок Приморского научно-исследовательского центра социологии и гражданских инициатив, ул. Алеутская, д. 45а, Владивосток, 690090, Россия; доцент кафедры общей и юридической психологии Владивостокского государственного университета, ул. Гоголя, д. 41, Владивосток, 690014, Россия. Автор 24 научных публикаций. Сфера научных интересов: цифровая трансформация общества, социология искусственного интеллекта, социология идентичности.

Ивченко Ольга Сергеевна – директор Приморского научно-исследовательского центра социологии и гражданских инициатив, ул. Алеутская, д. 45а, Владивосток, 690090, Россия. Автор четырех научных публикаций. Сфера научных интересов: региональная экономика, национальная политика, миграционная политика, развитие институтов гражданского общества, политическая социология, исследования социальных проблем.

Витюнин Владислав Сергеевич – ведущий социолог отдела исследований и методических разработок Приморского научно-исследовательского центра социологии и гражданских инициатив, ул. Алеутская, д. 45а, Владивосток, 690090, Россия; аспирант школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, п. Аякс, д. 10, о. Русский, Владивосток, 690922, Россия. Автор семи научных публикаций. Сфера научных интересов: социология гражданского общества, социология коммуникаций, формирование гражданской идентичности в молодежной среде, коммеморативные практики и политика памяти.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 23.07.2025; принята после рецензирования 08.09.2025; опубликована онлайн 17.11.2025.

REFERENCES

1. *EMISS Gosudarstvennaya statistika* [EMISS State Statistics], available at: <https://www.fedstat.ru/> (accessed 24.06.2025).
2. Vitsenets, T.N. and Berezhnova, Ye.I. (2014), "The Particularities of Migration Processes in the Far East", *J. of the Ural State Univ. of Economics*, no. 2 (52), pp. 69–75.
3. Blyakher, L.E. (2005), "Regional self-identification and cross-border practices in the Russian Far East", *Spatial Economics*, no. 1, pp. 117–132.
4. "Cadres Forum: Strategies for overcoming the shortage of personnel in the Russian economy" (2025), *RSPP*, 19.02.2025, available at: <https://rspp.ru/events/news/forum-kadry-strategii-preodoleniya-kadrovogo-defitsita-v-rossiyskoy-ekonomike-67b5bb16dd8f1> (accessed 24.06.2025).
5. Ivanchenko, O.G. and Ivanchenko, E.S. (2020), "Development of support measures for the Far-Eastern economy (taking into account for external calls)", *Power and Administration in the East of Russia*, no. 3 (92), pp. 44–54. DOI: <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2020-92-3-44-54>.
6. Guk, S.V., Neyaskina, E.V. and Nochevkina, T.A. (2022), "Problem of Migration of the Population of Primorsky Krai and Ways to Solve it", *Competitiveness in a global world: economics, science, technology*, no. 1, pp. 12–16.
7. "General results of population migration by subjects of the Russian Federation for 2023", *ROSSTAT*, available at: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_migr_2023.xlsx (accessed 29.06.2025).
8. Razumova, Yu.V., Varkulevich, T.V., Kim, A.G. et al. (2020), *Sotsial'naya i ekonomicheskaya kharakteristika protsessov vnutrennei migratsii v Primorskom krae: vliyanie migratsii na ekonomiku, rynek*

truda i populyatsionnye protsessy (2019–2020) [Social and economic characteristics of internal migration processes in Primorsky Krai: the impact of migration on the economy, labor market and population processes (2019–2020)], Izd-vo VVSU, Vladivostok, RUS.

9. Abashkin, V.L., Abdrakhmanova, G.I., Vishnevskii, K.O. et al. (2025), *Indikatory tsifrovoi ehkonomiki: statisticheskii sbornik* [Indicators of the digital economy: statistical collection], ISIEZ HSE, Moscow, RUS.

10. "Industrial robots in 2023–2024 in Russia" (n.d.), NAURR, available at: <https://robotunion.ru/prom23-24> (accessed 10.07.2025).

11. Frey, C.B. and Osborne, M.A. (2017), "The Future of Employment: How Susceptible are Jobs to Computerisation?", *Technological Forecasting and Social Change*, no. 114, pp. 254–280. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2016.08.019>.

12. Benanav, A. (2022), "Automation and the Future of Work (excerpt)", *J. of Economic Sociology*, vol. 23, no. 3, pp. 92–108. DOI: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-3-92-108>.

13. Borisov, D.S. (2022), "Prospects of Unmanned Transport in Logistics", *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavтики* [Current problems of aviation and cosmonautics], vol. 3, pp. 243–245.

14. Dubinin, M.V. (2007), "Banking technologies: essence, history of development and prospects", *Finance and credit*, no. 34 (274), pp. 57–63.

15. Vatolina, O.V., Kolodin, D.V., Balyaeva, V.A. and Nicheporuk, A.V. (2024), "Analysis of Demand and Prevalence of Marketplaces in the Far East", *Bulletin of Pacific National Univ.*, no. 2 (73), pp. 169–180. DOI: <https://doi.org/10.38161/1996-3440-2024-2-169-180>.

16. Khubaev, A.O., Saakyan, S.S. and Makaev, N.V. (2020), "World Practice in the Field of Modular Construction", *Construction and Geotechnics*, vol. 11, no. 2, pp. 99–108. DOI: <https://doi.org/10.15593/2224-9826/2020.2.09>

17. Brynjolfsson, E. and McAfee, A. (2014), *The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies*, W. W. Norton, NY, USA.

18. Ford, M. (2016), *Rise of the Robots: Technology and the Threat of a Jobless Future*, Transl. by Chernin, S., Al'pina non-fikshn, Moscow, RUS.

19. Srnicek, N. and Williams, A. (2015), *Inventing the Future: Postcapitalism and a World without Work*, Verso, London, UK.

20. Bastani, A. (2019), *Fully Automated Luxury Communism: A Manifesto*, Verso, London, UK.

21. Kaplan, J. (2017), "Don't Fear the Robots", *The Wall Street J.*, 21 July 2017, available at: <https://www.wsj.com/articles/dont-fear-the-robots-1500646623> (accessed 29.06.2025).

22. Shevchuk, A.V. (2020), "From Factory to Platform: Autonomy and Control in the Digital Economy", *Sociology of Power*, vol. 32, no. 1, pp. 30–54. DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2020-1-30-54>.

23. Shomova, S.A. and Kachkaeva, A.G. (2024), "Between charm and fright: dialogue with the "other". An analysis of AI practices in professional and everyday life", *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, no. 5, pp. 3–17. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.5.2766>.

24. Kovaleva, S.V. and Shcheglova, M.V. (2023), "The Phenomenon of Downshifting: Ways of Studying in Social Philosophy", *Society: Philosophy, History, Culture*, no. 11, pp. 34–39. DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2023.11.4>.

25. Kuzheleva-Sagan, I.P. and Suchkova, N.A. (2019), "The ontology of the network society and the culture of digital nomads: methodological approaches", *Tomsk State Univ. J.*, no. 440, pp. 58–63. DOI: [10.17223/15617793/440/8](https://doi.org/10.17223/15617793/440/8).

26. Vatolina, O.V. and Kolodin, D.V. (2024), "The issue of digital transformation of the economy", *Bulletin of Pacific National Univ.*, no. 1 (72), pp. 97–106.

27. Srnicek, N. (2017), *Platform Capitalism*, Polity Press, Cambridge, UK.

28. Belova, L.G. (2022), "Virtual labor migration of highly qualified specialists and online labor market", *Economic Systems*, vol. 15, no. 4 (59), pp. 122–131. DOI: <https://doi.org/10.29030/2309-2076-2022-15-4-122-131>.

29. "Digital literacy of the Russian population in 2024", RAEC, available at: <https://raec.ru/activity/analytics/14712/> (accessed 25.06.2025).

Information about the authors.

Dmitry V. Kolodin – Can. Sci. (Sociology, 2014), Head of the Research and Methodological Development Department, Primorsky Scientific Research Center for Sociology and Civil Initiatives, 45a Aleutskaya str., Vladivostok 690090, Russia; Associate Professor at the Department of General and Legal Psychology, Vladivostok State University, 41 Gogolya str., Vladivostok 690014, Russia. The author of 24 scientific publications. Area of expertise: digital transformation of society, sociology of artificial intelligence, sociology of identity.

Olga S. Ivchenko – Director of the Primorsky Scientific Research Center for Sociology and Civil Initiatives, 45a Aleutskaya str., Vladivostok 690090, Russia. The author of 4 scientific publications. Area of expertise: regional economy, national policy, migration policy, development of civil society institutions, political sociology, research on social problems.

Vladislav S. Vityunin – Lead Sociologist, Research and Methodological Development Department, Primorsky Scientific Research Center for Sociology and Civil Initiatives, 45a Aleutskaya str., Vladivostok 690090, Russia; Postgraduate at the School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, 10 Ajax settlement, Russian Island, Vladivostok 690922, Russia. The author of 7 scientific publications. Area of expertise: sociology of civil society, sociology of communications, formation of civic identity among youth, commemorative practices and memory politics.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 23.07.2025; adopted after review 08.09.2025; published online 17.11.2025.*